

БЕРЕМЕННЫЕ МОЗГИ

Она терпеть не могла утро — и саму себя по утрам. Мятая, непривлекательная физиономия, волосы-мочалка, тоска в глазах. Наверно, по этой причине ее зеркало в ванной комнате — просто кружок на горбатой пружине, размером с пирожковую тарелку. Его можно было отвернуть и не портить себе на весь день настроение.

Тридцать восемь — это вам не «шыннадцать», — говорила себе Инга Широкова.

6:20. Первый сигнал будильника.

6:25. Второй. Ослепившее яркостью окошко со списком пришедшей за ночь почты, вереница приветствий «Дорогая Инга» на всех языках Европы. Инга свернула список. Откинувшись на подушке, подарила себе еще пару минут тишины и покоя.

6:28. Неожиданно задремала.

6:45. Спасительный сигнал второго будильника, торопливый подъем, выдергивание себя из-под одеяла. Аромат свежемолотого кофе наполняет уютную, современно оборудованную квартиру. И вот уже Инга спешит по коридору, чтобы через пятнадцать минут выпорхнуть из ванной самодостаточной и адекватной преуспевающей женщиной. Она часто думала, что надо памятник поставить тому человеку, который придумал тональный крем и декоративную косметику.

«Хотя, может, уже сто́ит где? Надо погуглить...»

7:28 утра. Воркование Audi последней модели — ее милашки, ее прелести, не ведающей, что такое прокуренный салон и небритый чел на водительском сиденье.

Инга включила магнитола — из динамиков полилась прерванная вчера история: за неимением свободного времени молодая женщина пристрастилась к аудиокнигам. Особенно приятно слушались мужские голоса. Что-то подсказывало, что не из-за патологического отсутствия личной жизни. Но она гнала подобные мысли от себя, ведь она самодостаточная преуспевающая женщина. Адекватная!

Расправив зеркала заднего вида, юркое авто вынырнуло с парковки на проезжую часть.

Рабочий день, здравствуй.

Сегодня повезло — она собрала всего три светофора на выезде на проспект Вернадского, зато потом — совершенно свободная дорога до самого офиса. «День-то, кажется, задался!»

8:12. Зеркальные двери офисного центра автоматически распахнулись перед высокой блондинкой в светлом деловом костюме. Дежурная, но приветливая улыбка девушки-администратора. Внимательный кивок секьюрити. Мягкий рывок лифта вверх, на семнадцатый этаж, в личные владения.

Инга Павловна Широкова, тридцать восемь лет, генеральный директор и единственный учредитель консалтинговой фирмы «Jus Olympic»* собственной персоной.

— Инга Павловна. — У лифта ее караулила Лариса, начальник отдела арбитражной практики. Судя по красным глазам и взъерошенному виду, сотрудница еще не уходила домой. — Исковое по «Мерилл Консалтинг» подготовила, нужно, чтобы вы подписали. И Наташа обнаружила, что у нее истек срок доверенности.

Наташа — юрист Ларочкиного отдела, девушка толковая, но, судя по всему, не слишком внимательная: не проверить накануне судебного заседания доверенность на ведение дела... такая небрежность может обернуться катастрофой. Хорошо хоть это сейчас выяснилось, а не у судьи в приемной. Инга кивнула.

Подхватив протянутую ей папку с документами, посмотрела на Ларочку холодно и сразу почувствовала, как напряглась подчиненная, как вжалась на пару сантиметров ее шея и словно прижались к голове ма-

*Jus — право (лат.), Olympic — олимпийский (англ.).

ленькие розовые уши. Широкова умела наводить ужас одним взглядом.

— Хорошо, я посмотрю, — ледяным тоном уронила она. — Если все нормально, подпишу. — Поравнявшись с Ларисой, она поправила очки. — И Наталью ко мне отправь.

Ларочка сникла, приклеилась к стене, пропуская начальницу вперед. Очевидно, в надежде растаять. Инга обернулась:

— Лариса, объясни мне, пожалуйста, как ты собираешься работать в таком виде весь оставшийся день?

Лариса смутилась, покраснела, поправила выбившуюся из прически прядь, покосилась на двери лифта.

— Я... я... э...

Помимо своего отражения с утра, Инга терпеть не могла, когда мямлят.

— Работать надо так, чтобы все успевать в рабочее время. Если начальнику отдела арбитражной практики одной из крупнейших консалтинговых фирм Москвы приходится заниматься делами еще и ночью, это говорит лишь о его отвратительном тайм-менеджменте.

Лариса стала пунцовой, опустила глаза.

Широкова покачала головой, чтобы показать крайнюю степень своего возмущения, и добавила:

— Иди домой. До шести вечера даю тебе время привести себя в порядок. В шесть доложишь по искам Соловьева и Магрийичева, расскажешь, что решили с обоснованием.

Лариса с благодарностью кивнула.

Инга удовлетворенно повела плечом: хочешь, чтобы тебя считали строгой, но справедливой — будь стервой.

Она толкнула прозрачные створки своей приемной.

Ирочка уже сидела на месте, уставившись в монитор, и глупо улыбалась. Завидев начальницу, торопливо нацепила на округлившуюся мордашку деловое выражение.

— Доброе утро, Инга Павловна.

— Доброе, Ира. Пометь у себя — на шесть я назначила совещание с Ларисой Витальевной. Отмени все остальные встречи.

Ирина засуетилась, опрокинула пластиковый органайзер, карандаши с грохотом рассыпались по черной столешнице. Секретарша схватила блокнот, чиркнула в нем несколько слов и замерла с остолбенелым видом, побледнев до синевы под глазами.

— Что еще? — Широкова уже чувствовала неладное. Вопрос только в том — насколько оно неладное.

— Инга Павлов-ик-на, — икнула помощница. — А у вас на шесть назначена встреча... С итальянцами на Краснопресненской.

Инга тихо чертыхнулась:

— Я, кажется, еще вчера просила тебя ее перенести.

Лицо секретаря покрылось малиново-красными пятнами.

— Просили, — проямлила она. Вытерла рукавом испарину со лба. — Я, кажется, забыла.

«Один, два, три, четыре, пять. — Инга прикрыла глаза, заставила себя сосчитать до десяти. — Метод аутотренинга, он поможет. Обязательно. Господи, дай мне сил прожить этот день, так как завтрашний принесет мне нового толкового небеременного секретаря. С нормальными небеременными мозгами». Инга медленно выдохнула, тихо посоветовала:

— Звони сейчас. Иначе рискуешь поехать на встречу к ним сама, — и дернула ручку двери своего кабинета.

— Инга Павловна, но как же, — запричитала Ирина, выползая из-за стола и выдвигая грузный преддекретный живот.

Широкова с шумом закрыла дверь.

Завтра.

В ее жизни все наладится завтра.

ДА НАСТУПИТ ЗАВТРА!

Завтра началось с такого же мятого вида, как обычно, с привычной кружки горячего кофе. С более тщательно подобранной блузки и более модной, но чертовски неудобной дамской сумочки: сегодня встреча с итальянцами, надо соответствовать.

Что там говорили про санкции? Кому тетка чужая, кому мать родная. Чем больше правовых проволочек, тем лучше живут юристы. Инга не жаловалась. Отработанная схема, при которой российские партнеры получают желаемое оборудование и комплектующие, а итальянцы (французы, немцы, американцы и далее по списку — нужное подчеркнуть) — гарантии, прозрачную отчетность, сохранение партнерских связей, собственной деловой репутации, рынка сбыта и стабильного дохода.

Сегодня — встреча с очередным «уклонистом»: горит контракт. Обязательства, к которым в деловых кругах относятся куда более трепетно, чем в политических, а тут наезд итальянского МИДа (конечно, с изви-

нениями в личку генеральному директору концерна). Придется действовать спешно, так как если не успеют, то таможенники развернут груз на выезде из ЕС, а партнеры впаяют бедолагам штраф с пятью нолями. В евро. Ей, Инге, готовы заплатить за разовую услугу сумму с четырьмя нолями. В евро.

Инга посмотрела на свое отражение в единственном большом зеркале, в котором она отражалась вся — от лняных волос, рассыпавшихся по плечам затейливым каскадом, и очков в модной оправе до остроносых туфель, телесных, в цвет шелковых, пижонски расклешенных брюк.

За спиной ее называли стервой. И это самое культурное из прозвищ. Остальные на приличном телеканале запикали бы. Она двигала крупные «мужские» бизнесы плечом, легко, походя. Пользуясь где надо очаровательной улыбкой и нежным голосом. Едва заметное прикосновение, многообещающий кивок. Доверительный поворот головы.

Конечно, умудренные жизненными невзгодами заказчики предпочитали иметь дело с ней, а не с пропахшими сигаретами конкурентами Инги. В конце концов, если профессиональный результат так же сногшибателен, почему не порадовать себя обществом красивой молодой женщины. Пожилые владельцы концернов и холдингов, седовласые, уставшие от выходов любовниц, таяли в обществе умной женщины, не рискуя предложить ей ничего, кроме похода в оперу: бизнес и репутация превыше всего.

Она лукаво улыбнулась.

На сегодняшних итальянцев посягал Хромов, ее давний оппонент, еще с института. Он учился курсом старше, активно подбивал клинья, но был застукан за обсуждением с друзьями ее груди. За что получил по морде и с тех пор разыгрывает обиженную непосредственность, переманивая заказчиков. Сволочь. Пару раз ему это даже удалось.

Но зато реванш был впечатляющий.

Хромов представлял в суде клиента-перебежчика от Широковой, а Инга взялась из принципа вести дело их конкурента. Хромов нагло ухмылялся — подопечный Инги в самом деле накосячил со сроками выполнения работ, и неустойку по претензии ему впаяли на вполне законных основаниях. Только Хромов всегда был небрежен к деталям. К сносам. К приложениям. К фразам вроде «если только не».

Вот это «если только не» и сыграло с ним злую шутку: контракт прописывал освобождение от ответственности клиента Инги в случае непередачи промежуточных актов сдачи-приемки работ заказчиком, клиентом Хромова. И вот тут — та-дам — в договоре обнаружилось примечание: факт передачи таких актов должен быть подтвержден документально. Однако такого документа не было. А было письмо-претензия Ингиного клиента с требованием предоставления подписанных заказчиком актов сдачи-приемки этапов работ. Все как полагается — заказное письмо с уведомлением, отметка о приеме, входящий номер, дата регистрации.

«Опись, протокол, сдал-принял», как говорил незабываемый герой актера Папанова*.

Инга навсегда занесла этот момент в число своих личных побед, в папочку под названием «Хромов — козел, и пусть так будет с каждым, кто посмеет меня обсуждать». Он лениво довел позицию истца до суда, подтвердил суть исковых требований, вальяжно ответил на парочку ее вопросов и, снисходительно подмигивая, развалился на стуле в ожидании ее доклада. Инга выкладывала факты постепенно, вбивая каждый последующий, словно гвозди в гроб его блистательной карьеры юриста-арбитражника, — четко и по пунктам, оставив заветное «если только не» вишенкой на торте.

Сволочь Хромов усмехался какое-то время, отплевываясь от ее доводов, как деревенский хулиган — черешневыми косточками, и усердно пытаясь сохранить лицо. Клиент-перебежчик нервничал, смотрел на Ингу побитой собакой. И с каждым новым доводом с физиономии Хромова медленно сползала ухмылка, стекали уверенность и непоколебимость, как свечной воск. И вот уже модная трехдневная щетина сделала его похожим на бомжа с Казанского вокзала, а шикарный пиджак от Армани будто стал на несколько размеров больше.

Инга торжествовала.

После финального аккорда она посмотрела на незадачливого конкурента — жалкого, уничтоженного, пристыженного — в упор и ослепительно улыбнулась, пожелав удачи: ему предстояло объяснить клиенту,

* Фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука», режиссер Л. Гайдай.

как так вышло, что из обещанной Хромовым позиции «все в ажуре» они получили полный и оглушительный провал.

Это он еще не знает, как Инга разыскивала бедолагу-подрядчика, уговаривала показать контракт и в итоге вела дело бесплатно: ее гонорар предполагался только по факту вынесения решения суда в пользу Ингиного клиента.

Подхватив сумочку, сегодняшняя Инга выпорхнула на лестничную площадку, но прямо на пороге своей квартиры столкнулась с соседкой Ольгой: та разворачивала в узком коридоре коляску. Получалось не очень ловко, так как действовала она одной рукой, а во второй держала маленького Илюшу. На плече, отдавливая его, болталась сумка с детскими принадлежностями.

— Привет, Инга, все хорошеешь, — с завистью проговорила соседка.

— Держу марку. — Инга закрыла дверь, с удивлением машинально отметив царапины около замка. Втянула и без того плоский живот, чтобы просочиться между Ольгой и стеной и вырваться к лифту раньше нерасторопной мамочки.

Нет, Инга была не из этих новомодных «чайлдфри». Но она упорно не понимала, почему молодые девчонки, заполучив «принца» на белом коне, родив ему ребенка и устроившись на мужниных плечах, считают себя жертвами обстоятельств. Останься с такой наедине в лифте — замучает рассказами о цвете испражнений ее ненаглядных деточек.

«Может, и правда разжижение мозгов в связи с беременностью и родами?» — отстраненно подумала Инга